

Образование и знание в духовной школе

Состояние образования, наверное, никогда не было столь печальным, как сейчас. Кажется, не нужно быть сторонником прогресса, чтобы понять, насколько необходимо всем нам в настоящее время подлинное образование. После Октябрьской революции Россия утратила единство национального образования и самую возможность его дальнейшего развития. Эту участь разделили со всем Отечеством и духовные школы. Однако современные события общественной и церковной жизни как нельзя остро ставят вопрос о месте и значении образования в нынешнем мире. Внутренняя миссия Церкви в обществе, появление так называемого неомодернизма, давление со стороны инославных конфессий, а также межцерковные кризисы в вопросах канонического права — все это свидетельствует о необходимости богословски аргументированного ответа Церкви всем вопрошающим. Речь даже не ведется о том, что православное общество до сих пор не выработало органически приемлемых для себя форм образования в отличие от Запада, который сумел создать соответствующие его духу учебные заведения.

Нужно понимать, что обществу, в котором царят несвобода, слепота и дезориентированность, созданные более чем семидесятилетним периодом тоталитарной идеологии, без подлинного образования крайне трудно, а вернее всего, невозможно будет найти себя и выйти из этого тупикового состояния.

Проблема любого учебного заведения всегда состояла отчасти в том, что студенты, приходящие туда подчас стремятся получить не образование, которое соответствовало бы своеобразию их индивидуальности, выбранному пути и серьезной культуре знания нашего времени, но нечто иное — авторитет, господина, который подскажет, что надо думать, что принимать и делать¹, прикрывшись которым с достаточной

самоуверенностью можно судить обо всем (а о том, соответствует ли это истине и реальности, как правило, не думают). “Полунаука — самый страшный бич человечества, — писал Ф.М. Достоевский. — Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым все преклонилось... с суеверием, до сих пор немислимых”².

Знание и надмение

Одной из болезненных тем в жизни именно духовных школ является отношение студентов к книжному знанию как к чему-то нечистому. В нем видят основание любой ереси и

высокоумия, ибо знание надмевает (1 Кор. 8, 1). Можно понять тех, кто выражает подобные взгляды в простоте своего сердца, но, к сожалению, чаще за этим стоит желание отстраниться от решения проблем (даже только для себя), которые ставит сама жизнь. Действительно, было бы глупо спорить с тем, что многие христиане, не будучи обременены грузом богословских знаний, являют поразительные примеры подлинно христианской жизни и достигают спасения. Однако применение в личной жизни подобного принципа, может быть, уместного за стенами духовного заведения, не имеет право на существование внутри школы.

Духовная школа предъявляет к своему воспитаннику совершенно определенные требования, поэтому каж-

дый сознательно переступающий ее порог делает сам для себя внутренний выбор, определяется в том, что учение и тесным образом связанное с ним книжное знание отныне будут иметь в его жизни существенное значение. Они должны найти свое место в процессе духовного делания, а это не невозможно. Поэтому, как можно назвать позицию того, кто, вступив на выбранный путь, потом отрицает значимость своего выбора? Это двоедушие, свидетельство излома в духовной жизни, неправильной внутренней установки. Мы часто не задумываемся о том, что развитие разумного знания, хотя и не дает еще спасения, но ограждает от лжезнания. “От невежества разума, — писал Иван Васильевич Киреевский, — при самых правильных убеждениях сердца, рождается ревность не по разуму, из которой в свою очередь происходит уклонения разума и сердца от истинных убеждений”³.

Если же разум бывает склонен надмеваться приобретенным знанием, это не дает нам права считать его чем-то ненужным или вторичным в составе человека. Так не позволяет нам думать православная христология, ибо Воплотившийся Сын Божий был совершенным Богом и совершенным Человеком, и все воспринятое Им призвано ко спасению.

Более того, гордость и высокомерие, проистекающие из мнимой образованности, в действительности, есть свойства необразованности. Человек всегда хотя бы на уровне чувства улавливает, что мир шире и таинственнее, чем наше сознание. Наш разум довольно рано натывается на сферу “апофатки”, поэтому подлинная наука всегда смиренна, она сознает свою неизбежную ограниченность, однако Откровение, которое дано только в христианстве, раскрывает новые перспективы перед “верующим мышлением”⁴. Поэтому, если светский ученый, владея методом работы с материалом, может обработать и упоря-

дочить его, то образованный христианин способен дать верную оценку достоинству и значимости приобретенного им знания, а возможно, и выделить нечто новое, что не открылось лишенному веры взору.

Отрицая ценность знания, можно свести церковную науку на уровень простого аскетизма, но это грозит вырождением ее в некую оккультную дисциплину, где "антиинтеллектуализм проявляется в плане исключительного внимания к лично пережитому опыту".⁵ Мистический опыт постепенно начинает оттеснять веру и учение Церкви на второй план. Для такой позиции характерны отрицание критики разума, научного контроля, "сопротивление церковному учению и традиции, равно как и теологии, и апелляция к внутреннему опыту, который становится высшим критерием истины".⁶ За этим стоит бегство от свободы и исторической ответственности.⁷

Путь рецепции

Наука не мыслит своего существования вне исторического процесса, она самобытна и имеет свои сложившиеся за века методы исследования. Например, одним из таких методов является восприятие всего самого ценного из различных областей знания. Поэтому не нужно смущаться тем, что христианину бывает часто необходимо "перекопать" горы околицерковной или совершенно нецерковной литературы, чтобы создать свой труд или аргументированно ответить на тот или иной вопрос. Без этого невозможно обойтись. "Читать — значит искать и находить, ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить себе. Это есть творческий процесс, ибо воспроизводить значит творить"⁸ Конечно, всякий процесс творчества в какой-то мере опасен. Творцу необходимо постоянно корректировать свои действия трезвением, молитвой, чтобы не уйти на пути широкие. Но не меньшую опасность заключает в себе отрицание творчества, ибо можно отвергнуть дар Божий, Его святую волю...

Христианство никогда не отворачивалось от мира, но стремилось преобразить его и привести ко спасению. Оно с самого начала встало

на путь рецепции (принятия) из языка творчества всего того, что было приемлемо для христианского сознания.⁹ "Эллинизм в Церкви, — писал протоиерей Георгий Флоровский, — как бы увековечен, введен в самую ткань церковности... Все соблазны "острой эллинизации" христианства... не могут ослабить значимости того основного факта, что христианское благовестие и богословие от начала были изречены и закреплены именно в эллинистических категориях. Патристика, соборность, историзм, эллинизм — все это сопряженные аспекты единого и неразложимого здания..."¹⁰ Путь рецепции есть один из путей христианской мысли, а правильно воспринимаемое, несомненно, приобретает духовную ценность.

Культура души

Выше мы уже упоминали о том, что у образования есть свои методы. Безусловно, оно немислимо без книжной учености, но любая книга есть все же только сырой материал, который сам по себе мало еще что значит. Приобретенное знание не должно оставаться на уровне одного лишь ума, оно должно охватывать все человеческое существо, должно переходить на уровень сердца. Поэтому образование есть, в первую очередь, "культура души". Оно выступает как индивидуально "самобытные форма, образ, ритмика, в границах которых и соразмерно которым происходит... свободная духовная деятельность человека"¹¹, оно определяет поведение каждого человека. "Образование не есть "желание сделать себя произведением искусства", не есть самовлюбленная направленность на самого себя, на свою красоту, свою добродетель, свою форму, свое знание"¹², ибо подлинное образование создается в процессе жизни, тяжелого труда и борьбы со страстями.

Это не простые слова, ибо работа разума во многом зависит от нашего внутреннего состояния. Сердце, живущее низменной жизнью, несомненно влияет на работу интеллекта. Для высшей же сферы бытия "остается в силе слово Спасителя, что только чистые сердцем узрят Бога (Мф. 5, 8), то есть смогут восходить к познанию Первореальности".¹³ Конечно, законы логики остаются неизменными, но по-

знание не состоит лишь в точном следовании им, оно связано со всей жизнью личности. То обстоятельство, что опыт часто свидетельствует о разделении ума и сердца, вовсе не есть доказательство их природного антагонизма, но лишь подтверждает болезнь человеческой природы, связанную с первородным грехом. Поэтому христианский опыт духовной жизни всегда был направлен на "собрание человека", на соединение ума и сердца, на преобразование и обновление разума (Рим. 12, 2).

Таким образом, знание не должно оставаться на уровне одного лишь ума, то есть знания ради господства или достижений. Оно естественно должно перейти на уровень соединения ума и сердца, то есть к "образовательному знанию", которое затрагивает и формирует всего человека, но получает оно свое завершение только в "спасительном знании" (метафизическом), которое имеет прямым своим источником Бога, тот "свет разума", который осветил некогда весь мир.¹⁴ Понимание этого обязывает каждого студента духовной школы сделать переоценку своего отношения к знанию, чтобы активно использовать его.

Есть необходимость постижения внутреннего строя православного вероучения и церковной дисциплины, умения отличать внешнее от внутреннего, божественное от человеческого. Пренебрежение той или иной составляющей, как правило, имеет своим следствием кризис церковной жизни. Дореволюционная наука знала такие учебные предметы, как Философия истории (этот предмет входил в программу Духовных Академий), Философия права... Дело не в том, чтобы умножать количество учебных дисциплин, а скорее в необходимости перенести этот принцип на все образование церковного дидаскала. Разумеется, здесь не обойтись и без внешнего материала (заучивания определенных текстов и т.п.), ибо без этого всякое рассуждение делается беспредметным и бессодержательным. Начало такому подходу надо положить в духовной школе.

Нечто подобное должно произойти и во внутренней жизни студента духовного учебного заведения. Ему необходимо определить свое отно-

шение к Богу и к человеку, включиться в порядок подлинно церковной жизни и в дальнейшем пытаться сообщать его людям. Между богословием и духовной жизнью должна сохраняться тесная связь. К сожалению, не всегда легко различить правило и распорядок. Распорядок есть нечто внешнее, зачастую принуждающее лишь к слепому подчинению. Но все лишнее зрения нетвердо в своем основании и может легко деградировать, разрушиться. Напротив, правило призвано направить, ибо у всякого живого организма есть свой внутренний закон, который необходимо уважать и следовать ему. Общественную или церковную жизнь, лишённую правила, в конце концов необходимо ждет анархия и распад.

Исследование

Значение церковной науки в миссионерских целях, наверное, трудно переоценить — а мир всегда будет ждать от Церкви как высокой культуры жизни, так и высокой культуры мышления. Культуру мысли необходимо воспитывать, и здесь церковная наука имеет соприкосновение с наукой светской. Подлинная ученость как светская, так и церковная, всегда будет отличаться от простой начитанности своей основательностью, способностью правильно подойти к изучению того или иного предмета, понять логику его развития и положение в мире. Сама жизнь требует от церковного учителя не просто знания каких-то дат, событий с ними связанных и т.п., но и понимания их внутреннего смысла, а это предполагает исследование.

Некогда святой Максим Исповедник в споре с монофизитским епископом Феодосием говорил о необходимости для познания истины исследовать смысл отеческих слов. Феодосий

же возражал: "Быть этому я не допускаю, ибо необходимо принимать изречения простые (просто)"¹⁵ Феодосий считал, что нужно понимать "речение как оно есть и не исследовать смысл его".¹⁶ Интересен ответ преподобного Максима: "Очевидно вы вводите новые и чуждые Церкви законы и относительно речений (Священного Писания). Если, по вашему, не должно исследовать речения Писаний и отцов, то мы отвергнем все Писание, как древнее, так и новое. Вот я слышал слова Давида: *блаженны исследующие свидетельства Его, всем сердцем възвущут Его* (Пс. 118, 2), так что никто не может възискать Бога без исследования. И еще: *вразуми меня, и буду исследовать закон Твой и сохраню его всем сердцем моим* (Пс. 118, 34). Таким образом, исследование ведет к познанию закона, и знание побуждает достойных к желанию сохранить его в сердце посредством исполнения содержащихся в нем святых заповедей... Зачем и приточное слово желает, чтобы мы исследовали притчи, загадки и темные изречения (Притч. 1, 6)? Зачем и Господь, говоря в притчах, желает, чтобы Его ученики разумели (их), если разъясняет смысл притчей (Мф. 13, 18; Лк. 8, 11)? Зачем повелевает: *исследуйте Писания, как свидетельствующие о Мне* (Ин. 5, 39)? Как кажется, вы желаете уподобить нас иудеям, которые простыми речениями, как говорите вы, то есть одной только буквой, как бы каким мусором засыпав свой ум, отпали от истины, имея покрывало в сердцах своих, так что не разумеют Господа Духа, закрытого буквой, о чем говорит (апостол): *буква убивает, а Дух животворит* (2 Кор. 3, 17, 6). Пусть же удостоверится владыка мой, что я не допущу принять изречения без содержащегося в нем смысла, что бы не стать явно иудеем".¹⁷

Подводя итог, скажем, что образование нам необходимо как для себя, так и для миссии Церкви в мире, делу которой призваны служить церковные дидаскалы. В меру своей спецификации, церковные учителя могут восполнить то, что не под силу в жизни Церкви многим простым монахам или мирянам, подвизающимся на поприще светской науки. Жизнь мирянина или монаха совсем не предполагает включения в свою жизнь учительства и книжной учености как необходимой составляющей, а без них крайне трудно вести активную миссию Церкви в мире. Светскому же ученому, даже христианину, тяжело бывает почувствовать особое содержание церковного быта, погрузиться в него, а это не позволяет часто быть более чутким к различным движениям внутри Церкви, вовремя и должным образом реагировать на них, просто быть ближе к народу Божию. Конечно, реалии жизни часто могут свидетельствовать об обратном — настолько все бывает смешано, но реальное положение вещей еще не есть их положение идеальное и должное.

Опыт России, некогда православного государства, свидетельствует о том, что многие из наших предков, родившиеся в православных семьях и получившие христианское воспитание, в дальнейшем под натиском безверия и нигилизма сдавали позиции веры, даже не защищая их. Очевидно, они и не знали, во что они собственно верят. Поэтому следует помнить, что "свет разума", который принес в мир воплотившийся Сын Божий должен еще воссиять в умах людей. В этом состоит историческая задача Церкви.

Сергей Елисеев,
I курс МДА.

Примечания

1. Шелер М. Формы знания и образование / Избранные произведения. М., 1994. С. 17.
2. Цит. по Ильин И.А. Путь духовного обновления / Религиозная философия. М., 1994. Т.2. С.95.
3. Максим Исповедник, преподобный. Творения. Ч.1: Житие преподобного Максима и служба ему. Сергиев Посад, 1915. С. 22.
4. Зеньковский В., протоиерей. Основы христианской философии. М., 1992. С.42.
5. Шмидт П. Гностицизм вчера и сегодня // Символ. 1982. № 7. С.69.
6. Там же. С.69.
7. Там же. С.66.
8. Ильин И.А. Поющее сердце / Религиозная философия. М., 1994. Т.2. С.309.
9. Зеньковский В., протоиерей. Основы христианской философии. М., 1992. С.17.
10. Шмидт П. Гностицизм вчера и сегодня // Символ. 1982. № 7. С.509.
11. Шелер М. Формы знания и образование. С.20.
12. Шелер М. Формы знания и образование. С.32.
13. Зеньковский В., протоиерей. Основы христианской философии. М., 1992. С.29.
14. Шелер М. Формы знания и образование. С.42.
15. Максим Исповедник, преподобный. Творения. Ч.1. С.110.
16. Там же.
17. Максим Исповедник, преподобный. Творения. Ч.1. С.110-112.